

ОБРАЗ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА

*в живописи, рукописной
и старопечатной книге,
графике, мелкой пластике,
деревянной скульптуре
и декоративно-прикладном
искусстве XIII–XXI веков*

ИЗ СОБРАНИЙ МУЗЕЕВ И ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ

НИКОЛЬСКИЕ ХРАМЫ, МОНАСТЫРИ И ЧАСОВНИ.
ГОРОДА, СЕЛЕНИЯ И МЕСТНОСТИ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ СВ. НИКОЛАЮ

Каталог выставок

Вологда

Апрель–май • 2004

1348165

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СКАНРУС

Москва • 2004

Почитание Святителя

Николая Чудотворца

и его отражение в искусстве

(канон, извод, образ)

Феномен широкого распространения почитания св. Николая Мирликийского в границах ойкумены христианства, сопоставимый с ареалом почитания центральных персонажей христианского пантеона, нашел отражение в трудах многих исследователей памятников христианской литературы и искусства². Повышенное внимание к образу Святителя Николая Чудотворца как к скорому помощнику и надежному предстателю за всех сирых, бедствующих и труждающихся среди прочих форм поклонения и обращения к нему проявилось у населения как восточнохристианских стран, так и католического Запада в возведении в его честь многочисленных церквей, соборов, монастырей, капелл и часовен, а также в активном развитии никольской иконографии в станковой и монументальной живописи, в мелкой пластике и в скульптуре³. За тысячелетнюю историю христианства на Руси было создано такое огромное количество икон и фресок, медных, каменных, костяных и деревянных иконок с изображением св. Николая и сцен его жития, которое пока не поддается исчислению.

Превращение Восточной Римской империи в христианскую державу при императоре Константине Великом инициировало процесс развития пантеона христианских святых, укрепления его авторитета и живой связи с повседневной жизнью людей, обитавших на огромных пространствах империи и относившихся к разным этническим группам и объединениям. Культ месточтимых святых существовал уже в катакомбной церкви. Впоследствии во многих провинциях и областях Византийского государства складывался обычай особого почитания некоторых местных святых, являвшихся их небесными заступниками и покровителями. Византийские базилевсы как представители Бога на земле, заинтересованные в укреплении «вертикали власти», охотно включали таких местных святых в орбиту общеимпер-

Не токмо во единой земли, или во единой области, но вся поднебесная исполнися чудес святого Николы. Идеже аще идеши, тамо непокровну слышиши чудодейство святого Николы: иди во Греки, тамо удивляются, иди в Латину, тамо чюдятся, иди в Сирианы, тамо хвалят, ходи по всей земли, Николе удивляются... Приди в Русь и виждь, яко несть града и села, идеже не бысть чудеса святого Николы, ни являлася многа умножения, их же не можно за умножение писанию предати.

Макариевские Минеи Четьи (XVI в.)¹

ского церковного почитания. Явственные черты общевизантийского пантеона христианских святых проступили уже в VI в., в эпоху Юстиниана Великого, когда канонизировались и общецерковно прославлялись многие каппадокийские, фригийские и греческие святые. К этому времени относится и начальный этап распространения почитания ликийского епископа Николая Мирского, известного на Руси как Святитель Николай Мирликийский Чудотворец.

Святой Николай, архиепископ Мирликийский, жил и возглавлял одну из христианских общин в небольшой области Восточной Римской империи, именовавшейся Ликией и располагавшейся в северо-западной части Малой Азии, прижатой высокими и безлюдными горными массивами к лазурным водам Средиземного моря. По сведениям его Жития, он родился около 260 г. в небольшом городке с грекоязычным населением, сохранившем свое название Патара до наших дней, а умер около 335 г. в городе Мире Ликийской, расположенном несколько южнее на ликийском морском побережье (ныне турецкое название города – Демре)⁴.

Как сообщается в многочисленных житийных текстах, с самого рождения жизнь Святителя Николая была исполнена чудесных событий и знамений, свидетельствовавших о божественном предопределении его земного жизненного пути и высокого духовного призвания. Так, в поздних текстах и в иконных житийных циклах повествуется о трехчасовом стоянии младенца Николая в купели во славу Троицы при рождении. Он с детства увлекся христианским вероучением и в молодые годы был привлечен своим дядей, именовавшимся также Николаем и руководившим христианской общиной Патары, к церковному служению. Смолоду будущего Святителя посещали божественные видения. Однажды, находясь в келье на молитве, он явственно увидел Христа, подающего ему Евангелие, и Богородицу со святительским омофо-

ром в руках, а голос свыше повелел ему отправиться в город Миру, где он сможет послужить народу по своему призванию. По божественному призванию там он вскоре был избран епископом — главой Мирской христианской церкви.

Уже в ранних греческих текстах содержатся сведения о его активной благотворительной деятельности, о его бесстрашной и твердой защите оклеветанных и невинно осужденных, о его чудесной помощи бедствующим на море. Еще не будучи епископом и получив наследство от родителей, он спас от позора трех девушек, вручив их отцу золото, необходимое для выдачи дочерей замуж. Он мог явиться совершившему неправый суд императору и потребовать отмены приговора, пригрозив ему страшными карами. Узнав о грозившей гибели человеку, осужденному по клевете и подкупом игемона, он явился к месту казни, выхватил меч из рук палача и отбросил его в сторону, а осужденного освободил. Увидев во время бури на море терпевший бедствие корабль, он явился отчаявшимся морякам, успокоил их, сам встал к рулю и привел корабль в бухту. Все эти активно распространившиеся повести о подвигах св. Николая способствовали развитию его популярности в самых широких слоях населения.

Первые известия о существовании церкви во имя св. Николая в Константинополе относятся к VI в. Следовательно, к этому времени существовали уже и ранние образцы его иконографии. Однако памятников никольской иконографии доиконоборческого периода пока не выявлено. Можно лишь предполагать, что у истоков иконографии Святителя могло находиться его изображение, вписанное в круг, — мемориальный поклонный образ, который в соответствии с античной традицией исполнения мемориальных портретов-клинеусов для домашних алтарей мог находиться у гробницы св. Николая в Мирской церкви, где проходило его служение и откуда исходили начальные импульсы его почитания. Именно к этому типу орудного изображения, вписанного в круг, относятся самые ранние из ныне известных памятников никольской иконографии (византийские печати VIII—X вв., золотой крест из Плиски VIII в.)⁵.

Дальнейшее развитие иконографии Святителя Николая связано уже с торжеством иконопочитания и возвращением иконных и настенных изображений в христианские храмы. В IX—X вв. в византийском искусстве получило распространение величественное, торжественное изображение отцов церкви, представленных фронтально в рост и облаченных в праздничные святительские ризы. Такого рода мозаичный образ Святителя Николая существовал под куполом константинопольского Софийского собора в регистре святительского чина, датируемого IX в.⁶ Этот же иконографический вариант представлен и в мозаике алтарной апсиды киевского Софийского собора с изображением регистра святителей⁷.

Одновременно широкое распространение получает поясное иконное изображение Святителя Николая, представляющее его с благословляющим жестом правой руки и с книгой в левой. Древнейшие иконы этого типа, датируемые X—XI вв., сохранились в монастыре Св. Екатерины на Синае. Как можно судить по этим памятникам, византийская никольская иконография, канон иконного облика св. Николая, в основных чертах сформировался еще в доиконоборческий период. Как правило, Святитель изображался в виде средовека, чаще в простых облачениях, из которых лишь омофор указывает на святительский чин: у него короткая прическа, открывающая высокий лоб, прямой нос и небольшие глаза, короткая борода, обрамляющая округлое лицо. Впоследствии, по мере распространения почитания св. Николая в странах византийского ареала влияния, основные черты этого канона сохранялись. При этом в странах восточнохристианского ареала они были более устойчивыми, испытывая, однако, воздействие региональных и локальных эстетических норм и традиций, стилевых и духовных приоритетов эпохи. Что же касается католического Запада, то лишь в искусстве южной Италии, более тесно связанной с Византией, долго существовал и воспроизводился канонический облик св. Николая⁹. Во всех остальных странах Западной Европы св. Николай воспринимался в виде традиционного католического епископа, в облачениях и с инсигниями католического архипастыря, нередко с бритым лицом¹⁰.

На Руси никольские храмы и иконы с изображением св. Николая распространяются с XII в. в первую очередь в Новгородских землях, а затем и в Московском княжестве. Со временем традиционные византийские образы никольской иконографии эволюционировали, обростали подробностями, дрейфовали в сторону славянизации канонического типа.

Большое значение для распространения и развития никольской иконографии в русском искусстве имели чудотворные иконы Святителя Николая, явление которых зафиксировано с XI в. на протяжении всех последующих столетий («Никола Мокрый» и «Никола Добрый» — в киевской традиции, «Никола Дворищенский», или «Никола Липенский», — в Великом Новгороде, «Никола Зарайский» — в Рязанской земле, «Никола Можайский» — в Залесье, «Никола Великорецкий» — в Вятском крае и др.). Некоторые из них стали со временем почитаться как общерусские святыни («Никола Зарайский», «Никола Можайский»), списки и копии с них распространялись по Русской земле в огромном количестве и образовали популярные устойчивые иконографические изводы.

Образ Святителя Николая занял видное место также в творчестве русских резчиков по камню, кости и дереву, у серебряников и книжников, в произведениях лицевого шитья, где интерпретировались, как правило, те же изводы никольской иконографии.

На выставке «Образ Святителя Николая Чудотворца в живописи, рукописной и старопечатной книге, графике, мелкой пластике, деревянной скульптуре и декоративно-прикладном искусстве XIII–XXI веков» представлены некоторые иконографические изводы, получившие особое распространение на Русском Севере в XIII–XIX вв. и в последнее время частично возрождающиеся в творчестве современных иконописцев. В построенной по иконографическому принципу экспозиции с убедительной наглядностью выявляются ведущие тенденции в исторической эволюции иконографического извода, становятся очевидными те первоначальные изменения в трактовке образа Святителя Николая, которые связаны с периодическими сдвигами в народно-эстетических, нравственных и ментальных приоритетах.

Памятники традиционной иконографии Святителя Николая на выставке дополнены произведениями живописцев, графиков и других мастеров изобразительного искусства XIX–XXI вв. Никольская тема во многих из них проходит как ностальгия по утраченной цельности в духовной жизни общества, как призыв обратиться вновь к таким простым и важным в жизни человека делам и понятиям, как милосердие, бескорыстная помощь, благотворение, активная защита ближних и дальних от несправедливости, злобы и всякого зла.

Среди представленных на выставке памятников никольской иконографии большой интерес вызывают иконы иконографического извода «Никола Великорецкий». Предстоящему 450-летию всероссийского прославления вятского чудотворного образа с таким наименованием и его реставрации митрополитом Московским и всея Руси Макарием посвящены намеченная в Вологде Международная научная конференция и приуроченная к ней выставка. Оригинал вятской иконы, явившейся в 1380 г., к сожалению, ныне утерян. Но изучение сохранившихся списков с этой иконы, сделанных сразу после Макариевского поновления и в последующие годы, позволяет сделать предположение, что первоначальный чудотворный оригинал вятской иконы был небольшим пядничным образом с поясным изображением Святителя. Обрамляющие ныне средник восемь житийных клейм, по-видимому, написаны Макарием или иконописцами его мастерской в 1555 г. на отдельной раме, в которую и был вставлен средник. Именно такой вариант иконы представляет «Никола Великорецкий» работы Андрея Васильева 1558 г. из Сольвычегодска¹¹. Память о первоначальном отдельно существовавшем среднике сохраняется в иконах «Никола Великорецкий» XVII в. из собраний Череповецкого музея и Вологодского музея-заповедника (ранее – в собрании Н.Бурмагина), которые не имеют житийных клейм.

Из серии икон извода «Никола Зарайский, в житии» на выставке заслуживает внимания большой местный образ конца XVI – начала XVII в. из Никольской церкви в Тотме (ныне – в собрании Тотемского музея). В среднике этой иконы, обрамленном каймой с черным

узором по серебру, что напоминает обрамление текста в старопечатных книгах, представлен Святитель Николай в рост в изводе «Никола Зарайского» – с руками, отведенными в стороны, с закрытой книгой в левой руке и благословляющим жестом правой. Фелонь с крестами в кругах, омофор, верхняя крышка книги и палица написаны в монохромной гамме черным колером по серебру. Этот цветовой аскетизм несколько смягчается введением темного голубца в письме подризника и красной охры на исподе. Тональность колорита деликатно повышается неяркой киноварью завернувшегося уголка палицы, плата в левой руке и обреза книги. Санкирь красноватого тона и слабое вохрение придают лику Святителя теплый рыжеватый оттенок. Небесные сферы по сторонам Никола, где представлено «Никейское чудо» с изображением Христа и Богородицы в рост, подающих ему Евангелие и омофор, в окружении ангелов, энергично очерчены широкой голубой каймой небосвода со звездами, придавая верхней части средника волнующую форму. В необычном пространственном решении выполнен позем средника: играющий роль первого плана темно-зеленый коврик под ногами Никола написан в прямой перспективе, а кирпично-красные «горки» под ним неожиданно завершаются сферическим сводом, напоминая приемы «круговой перспективы» К.С.Петрова-Водкина, тогда как санкирный дальний план позема незаметно растворяется в потускневшем золоте – двойнике «света». Благодаря такому решению позема фигура св. Николая становится особенно монументальной и приобретает характер величественного воспарения над земной твердью, являя верующим образ подлинно вселенского учителя веры. Вокруг средника размещены 84 равных по площади клейма, в которых проиллюстрированы тексты жития и чудес св. Николая, имевшиеся в разных вариантах в книгохранительных палатах церкви и монастырей, а также в собраниях книголюбов. Клейма расположены двумя регистрами по 12 ячеек на верхнем и нижнем полях и шестью регистрами по 3 клейма на боковых полях. Они плотно примыкают одно к другому и разделяются лишь тонкой белильной чертой. В каждой ячейке представлена только одна сцена сюжета.

Сюжетную канву иконографического цикла на тотемской иконе составляют следующие события жития и чудес св. Николая: Рождество и Стояние в купели; Крещение; Исцеление жены сухорукой; Приведение во учение; Поставление в диаконы; Поставление в иереи; Поставление в епископы; Служба св. Николая; Встреча с бесом на пути в Рим и Ввержение его под землю; Исцеление княжеского сына в земле Сирийской; Чудо о трех девицах; Плавание Никола в Палестину; Заточение Никола в темницу царем Диоклетианом; Разрушение храма Артемиды в Мирах Ликийских; Первый Вселенский Собор в Никее, Заушение Ария; Чудо о гладе, бывшем в Мирах Ликийских, и о явлении Никола итальянскому купцу на корабле с зерном; Чудо о трех стратила-

тах; Чудо об Агрикове сыне Василии; Чудо о спасении трех мужей от казни; Чудо о срачине, плененном греками, и чудо о его спасении; Чудо об иконе Николы и о патриархе Афанасии; Чудо о Петре Афонском; Спасение Димитрия со дна моря; Чудо о трех мужах, брошенных в море и спасшихся на пловшем камне; Чудо об изгнании беса из кладезя; Изгнание беса, вошедшего в девицу под яблоней; Чудо о киевском отрочати; Чудо о половчине в Киеве; Спасение корабельников от бури; Изгнание беса из древа; Избавление от казни попа Христофора; Чудо о сербском царе Стефане; Спасение мужа от потопления; Чудо о юноше, в татьбе неповинном; Чудо о спасении корабельников и слуги Симеона от бури; Исцеление расслабленного юноши; Чудо о ковре; Чудо о бедном монастыре; Преставление Николы; Перенесение мощей из Мир Ликийских в Бар-град; Служба у раки св. Николая в Бар-граде.

Таким образом, тотемский изограф предпринял попытку представить своеобразное эпическое полотно жития и чудес Святителя Николая, известных ему из разных сказаний и иконографических источников, увеличив количество иллюстрируемых сюжетов до 44 и наполнив сакральное пространство иконы множеством новых мотивов и персонажей¹². Но это сочетание сюжетов еще не образует временного и пространственного единства, хотя стремится к этому. Оно состоит из композиционно-самостоятельных, независимых миниатюрных сцен, которые объединяются лишь единым модулем ячеек да палитрой, которой располагал художник. В этом отношении тотемский мастер не выходит за рамки иконографической традиции, сформировавшейся в середине — второй половине XVI в. в творчестве псковских, московских и вологодских иконников. Вместе с тем от многочисленных икон предшественников тотемский памятник отличается необыкновенной энергией и легкостью письма, каким-то стремительным полетом вдохновенной кисти мастера, запечатленным и в изящных линиях описей, и в ясной прозрачности чистых красок, положенных тонким слоем как будто на одном дыхании, и в уверенном рисунке. Этот акварельный характер красочного слоя, рациональная умеренность в детализации изображаемых сцен дают основания предполагать, что тотемский иконник пользовался в своей работе каким-то иконографическим пособием — иконописным подлинником или же лицевым житием св. Николая, которые к тому времени имелись уже в немалом количестве, и то, что сам он, вероятно, был опытным иллюминатором лицевых рукописей¹³.

В качестве сюжетных приоритетов в тотемской иконе с очевидностью выступают многочисленные эпизоды борьбы святого с нечистой силой, исцеления от болезней и спасения на водах — тематика, на пороге Смутного времени, весьма актуальная для тотемичей, для которых древняя река Сухона была и большой дорогой, доводившей до Студеного моря, и матерью-кормилицей. Святитель Николай предстает на этой иконе как спокойный и

мудрый, уверенный в неотразимой силе крестного знамения и имени Божьего духовный владыка, скорый предстатель и неутомимый в милосердной помощи нуждающимся и призывающим его заступник и спаситель.

Уникальным памятником разработки никольской иконографии вологодскими мастерами в конце XVII — начале XVIII в. является большой житийный образ Святителя Николая из церкви Иоанна Богослова в Вологде, написанный в 1713 г. вологодскими иконописцами Иваном Григорьевым Марковым и Иваном Никифоровым¹⁴ (ныне — в собрании ВГИАХМЗ). На иконе в среднике представлен св. Николай в поясном изводе, с Христом и Богородицею на облаках, вручающими ему книгу и омофор. По сторонам средника расположено тридцать одно клеймо, где проиллюстрированы сказания о житии и чудесах Николая Чудотворца.

Главный мастер иконы Иван Григорьев Марков (как и его отец Григорий Агеев) был потомственным иконописцем и входил в плеяду лучших изографов Вологды своего времени. Работая над иконографическим циклом Святителя Николая, он с великим мастерством и тщанием воплотил идеальные представления своей эпохи как о личности великого чудотворца, так и о том мире, в котором он творил свои деяния и чудеса, при этом стремясь следовать основам иконографической традиции.

Так, изображая в среднике Святителя Николая в виде старца в поясном прямоличном изводе, с предстоящими Богородицею и Спасителем, он воспроизводит иконографическую схему, известную на Руси с конца XIII в. Однако действие «Никейского чуда» происходит уже не в трансцендентном мире, залитом царственным сиянием золотого света-фона, но совершается в более близкой и знакомой молящимся верующим сфере земного бытия под светлым куполом санкирно-золотистого неба, покрытого легкими серебристыми облаками. В соответствии с практикой церковной жизни конца XVII—XVIII вв. мирликийский владыка одет в парадные архиерейские одежды: на нем фелонь из дорогой малиновой ткани с растительным узором из крупных цветов, бутонов и листьев, вышитых серебром, а с плеч ниспускается омофор, на котором вместо обычных крестов вышиты сцены Благовещения и Вознесения. Золотой оклад книги с эмалевыми дробницами и драгоценными камнями по кайме в руке св. Николая как будто писан с натуры по образу и подобию многих памятников книжного дела, поныне хранящихся в ризницах и музеях. И неожиданным контрастом к этому величию и великолепию святительского чина, в которых отражаются слава и блеск Престола Вседержителя — Царь Царем, выступает бескровный и скорбный, изборожденный глубокими морщинами лик Святителя с каким-то недоуменным взором устремленных на предстоящих глаз. Подобные печальные раздумья о превратностях земного бытия охватывали многих русских иерархов в период крутых секуляризационных реформ Петра, когда создавался этот образ.

Еще более впечатляющую панораму единого пространства и времени, данного в мире человеческого опыта как гармонического «вертограда многоцветного», красно украшенного травами дивными и градами бесчисленными по Божьему премудрому произволению, развертывают вологодские изографы в клеймах на полях иконы. В горизонтальных регистрах сцен жития и чудес св. Николая теперь отсутствуют уже всякие разделительные описи, и локальное пространство клейма определяется лишь композиционным соотношением персонажей и символически намечается иногда колонками нутровых палат. При этом два регистра на нижнем поле объединены в нераздельную сферу жития и деяний чудотворца приемом их изображения на общем фоне холмистой земной тверди и вод Средиземного моря, плавно перетекающих из одного регистра в другой. В пространственно-композиционном решении своего произведения вологодские мастера таким образом активно используют и развивают художественный опыт ярославских и ростовских иконников второй половины XVII в., виртуозно применявших прием пространственно-временного единства в регистрах многочисленных фресковых ансамблей, создававшихся ими, как и открытия знаменитого северного мастера Семена Спиридонова Холмогорца, много работавшего в Ярославле в 1670–1680-е гг.¹⁵

В тридцати клеймах вологодской иконы представлены свыше 110 сцен жития и чудес Святителя Николая в следующем составе: Рождество Николая, Наречение имени и Стояние в купели; Крещение младенца Николая; Приведение во учение, Учение Николая, Вручение отрока Николая родителями стряпу епископу Николаю на служение Богу; Поставление в иереи; Епископ Николай поручает иерею Николаю церковное строение, Отплытие епископа Николая в Палестину, Моление иерея Николая в храме, Раздаяние милостыни; Чудо о трех девицах; Обретение корабля, плывущего к святым местам, Изгнание беса с корабля, Усмирение бури и Исцеление упавшего с мачты юноши, Пристание к берегу Александрийскому, исцеление больных и Поклонение святым местам; Обретение корабля, плывущего на возвратный путь в Ликию, Моление корабельникам направить корабль в Ликию, Глас в Сионском монастыре св. Николаю о подвиге святительства, Приход св. Николая во град Миры, Собор архиереев в Мирах Ликийских; Поставление св. Николая во епископы и Видение ему Спаса и Богородицы, вручающих книгу и омофор; Приведение св. Николая к царскому наместнику и Введение его с паствой в темницу, Освобождение св. Николая и Разрушение храма Артемиды; Хождение св. Николая на Никейский собор, Заушение Ария, Снятие со св. Николая архиерейских инсигний, Видение неким от святых отец Спаса и Богородицы, вручающих св. Николаю книгу и омофор; Вручение св. Николаем трех златников итальянскому купцу-хлеботорговцу в сонном видении, Приплытие корабля с зерном в Миры Ликийские и Из-

бавление жителей Мир Ликийских от голода; Приплытие трех воевод в гавань Андриаку и Поклонение их св. Николаю, Прибытие в Андриаку жителей Мир Ликийских с жалобой на мирского игемона, осудившего на смерть трех неповинных мужей, Отшествие св. Николая с воеводами в Миры Ликийские; Встреча с мирскими жителями у стен Мир Ликийских, Избавление трех мужей от меча и Раскаяние игемона; Оговор клеветниками трех воевод перед Евлаviем и Мздоимство Евлавию, Донос Евлавию на трех воевод, Ввержение трех воевод в темницу, Уведомление темничным стражем трех воевод о казни; Явление св. Николая царю во сне, Явление св. Николая епарху во сне; Беседа царя и епарха о сонном видении, Приведение трех воевод к царю, их освобождение и вручение им даров для св. Николая, Отплытие трех воевод в Ликию, Вручение царских даров св. Николаю; Спасение св. Николаем корабельников от бури, Обретение ими св. Николая в Мирском граде и поклонение ему; Преставление св. Николая и Положение тела его в соборной церкви Мир Ликийских; Вручение сосуда корабельникам бесом, превратившимся в жену, Явление корабельникам св. Николая в малой ладье во время бури, Повеление им выбросить сосуд в море и Усмирение бури, Поклонение мошам св. Николая в Мирах Ликийских; Явление св. Николая пресвитеру в Бар-граде с повелением взять моши из Мир Ликийских, Извещение воли св. Николая пресвитером жителям Бар-града, Снаряжение корабля за мошами св. Николая, Перенесение мошей из Мирского собора на итальянский корабль, Встреча мошей св. Николая в Бар-граде; Моление Василия, Агрикова сына, в церкви на память св. Николая, Пленение его сарацинскими воинами и приведение к сарацинскому князю, Поминальная трапеза в доме Агрика, Поставление Василия св. Николаем во дворе Агрикова дома; Пленение иерея Христофора аравитянами и Избавление его св. Николаем от усечения мечом; Пленение Петра сарацинами, Явление Петру св. Николая и Симеона Богоприимца в темнице, Явление св. Николая с Петром патриарху во сне, Пострижение Петра в иноки патриархом; Слепление царя Стефана при храме св. Николая, Явление ему св. Николая с его глазами на длани, Возвращение св. Николаем царю Стефану зрения на всеошном бдении, Благодарственная молитва царя Стефана св. Николаю, Возвешение царю Стефану о скором преставлении; Пленение сарацина на море греками, Явление плененному сарацину св. Николая в темнице, Перенесение св. Николаем сарацина из темницы в сарацинский град; Явление св. Николая мужу Феофану с повелением написать икону, Изнесение иконы св. Николая из дома по велению патриарха, Потопление корабля патриарха от бури, избавление патриарха от потопления св. Николаем; Спасение младенца из Днепра св. Николаем, Обретение живого младенца под иконой св. Николая в киевском Софийском соборе; Спасение Димитрия со дна моря и Поставление его в дому своем; Исцеление расслабленного юно-

ши, избавление корабельников от бури, Чудо о половчине в Киеве; Чудо о ковре и Чудо о бедном монастыре.

Икона Святителя Николая из вологодской церкви Иоанна Богослова отличается обилием и пространственностью надписей на полях. Они выполнены мелким полууставом, написанным черной краской по золотому фону, и представляют собой целые страницы из списков жития и чудес св. Николая, ходивших среди книжных людей северных городов и посадов. Предварительное изучение этих надписей показывает, что в основе их находятся варианты житийных текстов, вошедших в состав Макариевских Четых Миней XVI в. и дополненных текстов «Повести еже о пренесении честных мошей иже во стых отца нашего Николы архиепископа града Мира».

Местный образ Святителя Николая в житии, созданный Иваном Макаровым и Иваном Никифоровым при всем обилии инноваций на основе традиции иконописных подлинников, явился впечатляющим заключительным аккордом периода высокого подъема и развития вологодской иконописи второй половины XVII в. Ориентация просвещенной публики и заказчиков из церковной среды петровского времени на украшение вновь возводившихся храмов иконами «живописного письма» не оставляла перспективы для востребованности труда иконников прежней формации, как и икон подобного повествовательно-назидательного жанра.

В памятниках никольской иконографии, представленных на выставке «Образ Святителя Николая Чудо-

творца в живописи, рукописной и старопечатной книге, графике, мелкой пластике, деревянной скульптуре и декоративно-прикладном искусстве XIII–XXI веков», запечатлена поистине всенародная любовь к этому скромному предстоятелю далекой ликийской церкви, получившему в своем посмертном бытии широкую известность, славу и честь во всей христианской вселенной. На протяжении многих веков у разных народов и в разных социальных слоях общества менялись представления о его внешнем облике, о его атрибутах, с разных позиций расставлялись акценты в оценке его личности, но при этом неизменным оставалось основное содержание его образа, лейтмотив в котором составляет безграничная любовь к людям, открытость и доступность для каждого человека, независимо от пола, возраста и социального положения, необъяснимая с позиции рациональной критики эффективность молитвенного обращения к нему. В многообразии иконографических изводов и их вариаций, в разнообразии видов и жанров искусства, в которых запечатлен образ Святителя Николая, отражена его глубинная связь с теми народными чаяниями и идеалами и с теми мощными потоками межчеловеческого религиозного общения, благодаря которым он поныне остается живым и притягательным, заслуживающим углубленного изучения и освоения в нашей ментальной и духовной практике.

А.А. Рыбаков

Примечания

- ¹ Жития и чудеса Святителя и чудотворца Николая. М.: Издание Археографической Комиссии. 1901. С. 108–109.
- ² Anrich G. Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaus in der griechischen Kirche. Texte und Untersuchungen. Bd. I–II. Leipzig-Berlin, 1913–1917; Гусев Ф., Вознесенский А. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России. СПб., 1899; Лихачев Д.С. Повести о Николе Зарайском (тексты) // ТОДРЛ. Т. VII. М.-Л., 1949. С. 257–406; Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982; Крутова М.А. Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М., 1997.
- ³ См., напр.: Meisen K. Nikolauskult und Nikolausbrauch im Abendlande. Düsseldorf, 1931; Börsting H. Liugder – Träger des Nikolauskultes im Abendland. Westfalia sacra. Quellen und Forschungen zur Kirchengeschichte Westfalens. Bd. 1. Liugder und sein Erbe. Münster, 1948; Marot P. Le culte de Saint Nicolas en Lorraine. (Arts et traditions populaires). Nancy, 1957; Van der Linder R. Ikonographie van Sint Niklaas in Vlaanderen. Gent, 1972; Sevcenko N.P. The life of Saint Nicholas in Byzantine art. Torino, 1983; Clare E.C. St. Nicholas. His legends and iconography. Firenze, 1985; Смиронова Э.С. Икона Николы 1294 года мастера Алексы Петрова // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975. С. 81–105; Дергачев Б.А. К вопросу о возникновении скульптурного образа Николы Можайского // Скульптура. Прикладное искусство: Реставрация и исследования: Сб. науч. тр. ВХНРЦ им. акад. И.Э.Грабаря. М., 1993; Рыбаков А.А. Отражение культа Святителя Николая Чудотворца в иконографии Востока и Запада // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. Вологда, 2001. С. 107–115.
- ⁴ Бугаевский А.В., Владимир (Зорин), архим. Святитель Николай, архиепископ Мирликийский, Великий Чудотворец. Его жизнь, подвиг и чудотворения, изложенные по древним греческим, латинским и славянским рукописям. М., 2001. Иногда выражаются сомнения в реальности исторического существования личности Святителя Николая и его роли в истории христианской церкви (см., напр.: Карташев А.В. Вселенские соборы. М., 1994. С. 33). Но, как известно, образ героя в произведениях агиографического жанра формируется совершенно по иным законам и в основе имеет совершенно иную мотивацию, нежели персонажи исторических биографических исследований. Для верующего человека историческая реальность мошей святого, хранящихся в Бари и в Венеции, его храма и места его погребения в Мире Ликийской, цельбоносного мира от его гробницы, тысяч рассказанных и описанных случаев его всегда спасительного вмешательства в человеческие судьбы является более убедительными и более важными свидетельствами реальной действенной силы того

близкого, понятного и необходимого людям разного рода и племени во все времена теплого заступника, усердного и скорого помощника, всюду сушего вне времени и пространства, который исторически персонифицировался в образ Святителя Николая.

⁵ Из коллекции академика Н.П.Лихачева: Каталог выставки. СПб., 1993. № 82, 137; Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. Т. 2. М., 1977. № 705, 714, 721; Effenberger A. Fröhchristliche Kunst und Kultur. Leipzig, 1986. S. 284 (автор датирует крест ок. 600 г.). Вероятно, как позднейшую реплику этого иконографического типа следует рассматривать и круглую икону Николы Дворищенского XII–XVI вв. из Новгорода.

⁶ Лазарев В.Н. История византийской живописи. Т. II. Таблицы. М., 1986. Ил. 125–128.

⁷ Логвин Г.Н. София Киевская. Киев, 1971. Ил. 69, 73.

⁸ The Glory of Byzantium at Sinai. Benaki Museum. V. 2. Athens, 1997.

⁹ Протасов Н.Д. Изображение св. Николая Мирликийского в пещерах храма Апулии // «Светильник». 1915. № 2. С. 14–29.

¹⁰ Mensing R. Nikolaus von Myra. Strasbourg, [1998]. S 2, 31, 37.

¹¹ Белов С.П. Икона «Никола Великорецкий» 1558 г. из Сольвычегодска // ПКНО. 1987. М., 1988. С. 202–206.

¹² Как было установлено С.П.Беловым, большая часть клейм тотемской иконы соответствует тексту жития и чудес св. Николая, соотносящихся с текстом Макарьевских Четых Миней (в частности, Царского списка), а также опубликованной В.О. Ключевским в 1871 г. «некнижной редакции» жития, определяемой М.С. Крутовой как «так называемый III тип жития св. Николая, обнаруженный С.П. Беловым в составе рукописного “Жития и подвигов св. Николая Чудотворца” конца XVI – первой половины XVII в., хранящегося в научном архиве Вологодского музея-заповедника и происходящего с территории Тотемского уезда» (ВГИАХМЗ, инв. № 26865). См.: Белов С.П. Литературные источники житийных клейм иконы «Никола Зарайский, в житии» из Тотемского краеведческого музея // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 335–342; Крутова М.С. Указ. соч. С. 131–133.

¹³ Как известно, в книжном собрании Строгановых в Сольвычегодске имелось роскошное лицевое житие с чудесами Святителя Николая, которое входило, по мнению исследователей, в состав Лицевого летописного свода, создававшегося в патриарших Макарьевских мастерских в середине XVI в. (Зарубин Н.Н. Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание / Прим. и дополн. А.А.Амосова. Л., 1982. С. 102–104). Однако в иконографии житийного цикла тотемской иконы миниатюры строгановской лицевой книги не нашли отражения, поскольку Данила Иванович Строганов купил эту книгу в Москве лишь в середине XVII в.

¹⁴ Ныне в собрании ВГИАХМЗ. См.: Рыбаков А.А. Художественные памятники Вологды XIII – начала XX века. Л., 1980. Ил. 195–196; Он же. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII вв. М., 1995. С. 110, ил. 100–102.

¹⁵ Аналогии в творчестве ярославцев и Семена Спиридонова Холмогорца см.: Масленицын С.И. Ярославская иконопись. М., 1973. С. 36–41, ил. 46–48, 51–60; Войкова И.Н., Митрофанов В.П. Ярославль. Л., 1973. С. 130–143.